

Антон Вербов и другие

НОРА НИКОЛЬСКАЯ

*Провинциальный
театр абсурда*

12+

Антон Вербов и другие

Нора Никольская

Провинциальный театр абсурда

«Автор»

2018

Нора Никольская

Провинциальный театр абсурда / Нора Никольская — «Автор»,
2018 — (Антон Вербов и другие)

К Антону Вербову вновь обратилась Регина Моисеевна, чиновница из Министерства культуры. Ее племянницу Глафиру, работающую гримером в провинциальном театре, подозревают в краже. Задача Антона не только найти вора, но и убедить Глафиру переехать в Москву. Но не все так просто. Когда Антон уже разоблачил преступника, случилось покушение на ведущего актера театра, и директор просит Вербова вычислить, кто мог желать актеру смерти. А в это время готовится еще одно покушение. Вторая книга в серии "Антон Вербов и другие".

© Нора Никольская, 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Нора Никольская

Провинциальный театр абсурда

Глава 1

Звонок Регины Моисеевны Бриккер, чиновницы из Министерства культуры, был для Антона Вербова не слишком приятен, как и ее недавняя просьба, от исполнения которой он не мог отказаться.

Пятидесятилетняя дама воспылала любовью к двадцатипятилетнему актеру, а тот, спасаясь от ее притязаний, сбежал в провинциальный сибирский театр.

Тогда Антону помогла начинающая журналистка Серафима. С ее помощью он сделал так, что Бриккер сама оставила актера в покое, и он смог продолжить работать в московском театре.

И вот сейчас она вновь вспомнила о Вербове.

– Слушаю Вас, Регина Моисеевна, – намеренно сухо поприветствовал Вебов чиновницу.

– Антон Дмитриевич, мне нужно с Вами срочно увидеться. Жду Вас в известном Вам ресторане, где я обычно обедаю, – заявила Бриккер.

– Постараюсь подъехать, но боюсь опоздать, я в другом районе, – пояснил Вербов и предложил начать обедать без него.

Через час с лишним Антон Вербов внимательно слушал Регину Моисеевну.

– Антон Дмитриевич, голубчик, только Вы можете мне помочь, – воскликнула Бриккер.

И рассказала Антону, что в курируемом ею областном театре вот уже полгода у актеров пропадают личные вещи. Но самое неприятное в этой истории, что под подозрение попала ее родственница Глафира, работающая в театре гримером.

– Но Глафира клянется, что ей и в голову бы не пришло красть у актрис косметику, использованную ими, а зажигалки актеров ей и вовсе без надобности: она не курит, – объяснила Регина Моисеевна.

– А почему Ваша родственница решила, что подозревают именно ее? – спросил Вербов.

– У Глафиры косметика дорогая, привезенная мною из Парижа, и она не носит ее на работу. Вещи пропадают только у актрис и актеров, а она их гримирует, – пояснила Регина Моисеевна.

Антон Вербов, едва скрывая скуку, глянул на чиновницу.

– Что Вы от меня хотите, Регина Моисеевна? Я ведь не сыщик, не следователь. Пусть директор театра обратится в полицию, – посоветовал Вербов.

Ему очень не хотелось уезжать из Москвы, да еще по такому поводу.

– Да что Вы говорите, Антон Дмитриевич! – воскликнула Регина Моисеевна. – Местная полиция и искать никого не будет, а сразу обвинит Глафиру. Вы под видом журналиста могли бы поехать туда. Скоро ведущей актрисе исполняется семьдесят лет, будет чествование, капустник готовит весь коллектив.

– Не знаю, что сказать, вряд ли я смогу заменить полицию, и какова все же цель поездки?

– Найти воришку, уговорить Глафиру переехать в Москву, как я ей неоднократно предлагала, – вновь воскликнула Регина Моисеевна. – Вы поедете с заданием от Министерства культуры: написать статью о юбилярше в виде воспоминаний коллег.

– «Устами коллег гласит истина», – усмехнулся Вербов. – Вы думаете, что их сплетни друг о друге помогут выявить вора? – засомневался Антон Вербов.

– А Вы больше слушайте и наблюдайте, поговорите с актерами и с техперсоналом. Уборщицы многое замечают, зато на них никто не обращает внимания, – произнесла Бриккер.

– Вы правы, технички – самые любопытные, знают обо всем и обо всех, – согласился Вербов, понимая, что не сможет отказать в просьбе этой экзальтированной даме. Он вспомнил о безработной Серафиме Ивановой.

– Соглашайтесь, Антон Дмитриевич. Я хорошо заплачу Вам, – попросила Бриккер.

– Регина Моисеевна, у меня есть помощница, она могла бы под видом уборщицы поработать в театре и взять на себя беседы с техперсоналом. Ваша родственница сможет уговорить директора театра устроить мою помощницу временно уборщицей? – спросил Антон Вербов.

– А что, идея отличная, сейчас же позвоню Глафире, – обрадовалась Бриккер, поняв, что Вербов в принципе согласился исполнить ее просьбу.

Пока она говорила с родственницей, Антон Вербов вышел из зала и позвонил Серафиме. Серафима обрадовалась возможности подзаработать.

– А я могу под псевдонимом написать статью? – уточнила она.

Регина Моисеевна успела переговорить с родственницей.

– Ваша помощница будет жить у Глафиры и уже сегодня сможет ночным поездом выехать из Москвы, чтобы Ваше появление в театре не совпало с ее трудоустройством, – сообщила Бриккер. – И я сегодня же позвоню директору театра.

Обсудив детали, Антон и Регина Моисеевна договорились о встрече непосредственно в Министерстве культуры.

– Заберете командировочное удостоверение, деньги на проживание, питание и на проезд. Билет будет забронирован. Вы только все документы сохраните, – предупредила Бриккер.

– Вот ушлая бабенка, проблемы родственницы решает за счет своего ведомства, – без злобы сказал себе Вербов.

Покинув ресторан, он позвонил Серафиме и договорился о встрече.

Забрав девушку у станции метро, он подвез ее до вокзала, чтобы выкупить билет.

Серафима посоветовала, как Антону сыграть роль журналиста, тот в свою очередь рассказал ей о задании Бриккер.

– Оставьте дома аксессуары богатого человека, оденьтесь попроще, – напомнила Серафима.

Ни Антон Вербов, ни Серафима Иванкова не подозревали, что их ждет в провинциальном театре.

Серафима Иванкова выехала ночным поездом, а утром на вокзале ее встретила Глафира.

– Как много вещей! – ахнула гример.

– Моя только спортивная сумка, а все остальное передала для Вас Регина Моисеевна, – пояснила Серафима.

– Узнаю тетю, она не упустит любую возможность, – усмехнулась Глафира. – Да еще наверняка своего водителя задействовала.

– Будем носильщика искать или донесем сами? – спросила Серафима.

– Тут недалеко...

На старенькой иномарке они доехали до дома, в котором жила Глафира. Явно старая шестиэтажка поразила Фиму образцовой чистотой, наличием домофона и цветами в горшках на подоконниках.

– Все моими стараниями, – похвалилась Глафира. – Прими душ, позавтракаем, и я загримирую тебя под уборщицу, – сказала Глафира. – А потом поедем в театр.

Когда Фима зашла в уютную кухню, завтрак стоял на столе, а в стороне на подоконнике лежали приготовленные для грима предметы.

Тридцатипятилетняя Глафира рассказала Серафиме, что после развода живет одна. Детей нет. Ее московская тетка мечтает выдать ее замуж за состоятельного москвича и уговаривает переехать в Москву.

Память о задании Серафима мгновенно среагировала.

– Регина Моисеевна права. Даже если нам с Вербовым удастся найти воришку, тень сомнения останется, и Вам самой не захочется работать в театре, – произнесла Серафима.

Глафира согласно закивала головой.

– Так обидно, столько лет проработала в театре и никогда не думала, что могут меня в чем-то неблагоприятном заподозрить, – воскликнула Глафира. – Но я так привыкла к своему городу.

Она приступила к преобразению Серафимы, одновременно рассказывая об обстановке в театре.

– Там все дружат друг против друга. Завидуют, интригуют. Единственная актриса, которая не сплетничает, это Анжела Гальская, но она жена режиссера Гальского, – пояснила Глафира.

Когда Серафима похвалила результат работы гримера, Глафира пообещала девушке научить наносить макияж и изменять с помощью грима внешность.

– С помощью пластического грима можно так изменить лицо, мама родная не узнает. Я тебя состарила лет на десять, а вот руки состарить тяжелее, будешь ходить в перчатках, – велела Глафира.

Директор театра, введенный в курс задания, побеседовал с Серафимой.

– Учтите, работать придется по-настоящему, – предупредил Альфред Янович, пятидесятилетний, немного грузный мужчина с черной, явно подкрашенной, кудрявой шевелюрой. – Так не хочется вмешивать в наши театральные дела полицию, – признался директор.

Постоянная уборщица Зинаида Захаровна Зотова с радостью спихнула большую часть своих обязанностей на Серафиму, а та получила доступ к техперсоналу и подсобным помещениям.

– Вот тетеха, так ты впервые в областном центре и в театре? – снисходительно спросил Фиму рабочий сцены.

Мужчины, относящиеся к техперсоналу, с удовольствием рассказывали Фиме о своих обязанностях, заодно давая характеристики друг другу, видя, как она, раскрыв рот, слушает их.

Никто из них не догадывался, что в кармане технички спрятан навороченный диктофон.

Но, к сожалению Серафимы, о пропажах личных вещей актеров никто из них ничего существенного не сообщил. Она во время уборки заглядывала во все местечки, в которых можно было спрятать украденное.

Приехавший через два дня Антон Вербов поселился в центральной гостинице в одноместном номере.

С директором театра Альфредом Яновичем он встретился сразу по приезду, обговорили истинную причину появления мнимого журналиста из столицы.

– Как Вы вовремя, Антон Дмитриевич, скоро юбилей у нашей актрисы, – воскликнул Альфред Янович. – Я представлю Вас всему актерскому составу и попрошу быть откровенными. Но учтите, Мсиславская Софья Константиновна скрывает свой возраст, и мы собираемся отмечать ее творческий юбилей, – сообщил директор.

Альфред Янович через секретаря пригласил к себе режиссера и познакомил Антона Вербова с Гальским Давидом Леонидовичем.

– Московский журналист по заданию Министерства культуры будет освещать работу нашего театра, поэтому помогите Антону Дмитриевичу написать статьи, – попросил директор.

– Конечно же, помогу. Вы сможете понаблюдать за репетициями, побеседуете со всеми и, надеюсь, что статьи будут объективными – с явным намеком произнес режиссер и сразу же пригласил Вербова к себе домой в гости. В домашней обстановке за бокалом хорошего вина он расскажет о готовящемся капустнике в честь юбилярши.

– С удовольствием принимаю Ваше приглашение, но редактор требует некоторой перчинки в материале, да и читатель любит сплетни и желает знать все пикантное. Давайте договоримся так: я запишу все беседы с актерами, Вы прослушаете и выберете, что можно оставить для статьи, – предложил Вербов.

– Меня это устраивает, – согласился Гальский. – Чего-чего, а сплетен наслушаетесь. Начните с Мсиславской, она наша прима, и этим Вы выкажете ей уважение. А затем побеседуете с Заславским – они конкуренты.

– Так они же разнополые? – удивился Вербов.

– Антон Дмитриевич, запомните: на сцене нет мужчин и женщин, только актеры. Профессиональная зависть, – пояснил Гальский.

Антону оставалось только набраться терпения, ведь разговорчивыми оказались не только актрисы, но и актеры.

Глава 2

По совету режиссера общение Вербов начал с юбилярши.

Пожилая актриса Софья Константиновна Мсиславская, скрывающая свой возраст под толстым слоем грима, кокетливо улыбнулась журналисту.

– Так я первая, с кем Вы решили побеседовать? – обрадовалась актриса. А услышав рабочее название статьи, заливисто рассмеялась.

– «Устами коллег гласит истина»! Очень оригинально, оставьте это название. Ваш редактор имеет хорошее чувство юмора. А мои коллеги по сцене выдают Вам и перчик, и запах чеснока, и приправят все ложкой дегтя, – улыбнулась Мсиславская.

– Расскажите, о ком считаете нужным, а я затем задам Вам вопросы, – предложил Вербов. – Я слышал, что Вы, Софья Константиновна, почти одновременно пришли в театр с Федором Ивановичем Заславским, – постарался дать направление беседы Вербов.

– Федька Заславский?! – воскликнула Мсиславская. – Сейчас я Вам расскажу о нем.

И Антон Вербов приготовился слушать.

– Когда Федор Заславский появился в нашем театре, он был Федькой из Мухоср...ка и устроился рабочим сцены. Федька Мухин мечтал стать актером, но срезался на экзаменах. Отдать должное: у него была симпатичная мордашка и хорошая фигура, – ностальгически вздохнула Мсиславская. – Я же после окончания театрального училища попала в наш театр. Ой, как Федька облизывался на меня и завидовал мне, хотя я была тогда на вторых ролях.

Софья Константиновна рассказала, что Федору повезло: вновь принятый актер перевелся в новосибирский театр и режиссер разрешил Мухину исполнять роли «кушать подано».

– Ему бы лет десять играть эти роли, но внезапно овдовела ведущая актриса театра Августа Заславская, лет на двадцать старше, но как Федька вился вокруг нее и женился на поглупевшей от счастья актрисе. Хотя даже уборщице было ясно корыстная подоплека мезальянса.

Так Федор Мухин стал Заславским и, со слов Софьи Константиновны, началась его успешная актерская карьера.

Десять лет Федору Заславскому пришлось исполнять главную роль – любящего верного мужа. Боже упаси, повернуть голову в сторону молодой симпатичной актрисы. Августа была ревнивой супругой. Зато за верность Заславская все свое имущество отписала Федору, забыв о существовании единственной племянницы.

Федору досталась хорошая двухкомнатная квартира, машина, дача, а вернее капитальный кирпичный дом с участком за городом. Сбережения и драгоценности жены позволили бы Федору оставить службу в театре, но Заславский остался верен сцене. Но стал менять жен, женясь на все более молодых актрисах. Сейчас у него двадцативосьмилетняя жена, актриса их театра Люсьена Заславская.

– В девичестве она была Люськой Птичкиной, – усмехнулась Софья Константиновна. – Дурак старый, у него уже был один сердечный приступ, а Люська только из-за его статуса и ролей для себя живет с ним, да из-за его имущества, которое ей достанется, как некогда он получил от Августы.

В голосе пожилой актрисы послышалась боль.

– Вы так интересно рассказываете, я прямо заслушался, – произнес Вербов.

– Да все происходило на моих глазах, – улыбнулась Мсиславская.

– Софья Константиновна, ходят слухи о пропажах личных вещей у актеров? – задал самый главный вопрос Антон и внимательно посмотрел на актрису.

Та не дрогнула.

– Мне кажется, это наш пожарный Семен, он недавно развелся, вот и возненавидел всех женщин. Его жена ушла к любовнику. Представляю, как Семен мой шарфик, украденный им,

накидывает на свою мощную шею и думает, что это я душу его в своих объятиях, – патетически воскликнула она и, заметив изумление Вербова, залиvisto рассмеялась. – А может это Люська Заславская, Федька такой прижимистый, вот она и подворовывает у нас косметику?

Мсиславская стала рассказывать о других актрисах. И как позже сказала Серафима, прошла серо-буро-малиновыми мазками по коллегам.

После беседы с юбиляршей Антон Вербов подошел к Федору Ивановичу Заславскому и сразу попросил рассказать о Мсиславской.

Тот понимающе взглянул на журналиста.

– Ей что уже восемьдесят? – съязвил Заславский.

– Вообще-то юбилей ее творческой деятельности, – возразил Вербов.

– Да не верьте Вы этой старой клеptomанке. Вы хотя бы знаете, что она из глухой деревни и в девичестве была Стешкой Мясниковой, а потом взяла псевдоним, правда, при смене паспорта в двадцать пять лет узаконила новую фамилию, – насмешливо произнес Федор Иванович.

– Вы подозреваете ведущую актрису театра в воровстве? – изумился Антон Вербов.

– Кроме этой маразматички больше никому. Она мстит всем за свое одиночество, – ответил Заславский.

– А вот Софья Константиновна Вас не подозревает в кражах...

– Конечно, так как я не причастен к этим пропажам, у меня самого по мелочи пропало несколько вещей. Уверен, Софья выбрасывает их в мусорку, – заявил Заславский.

– Мсиславскую нужно пожалеть, но она достойна восхищения: столько лет оставаться верной сцене! – возразил Вербов.

– Софье ни одна из моих жен не нравилась, – обиженно произнес Федор Иванович. – Вечно влезала в мою жизнь и разрушала мои браки.

Антон Вербов затем поговорил с женой Федора Ивановича и наслушался от Люсьены Заславской сплетен обо всех ее коллегах.

Вечером Давил Леонидович и его жена Анжела прослушали запись и молча переглянулись.

– Хорошо, что домработница ушла, – подумали они одновременно и по очереди стали комментировать услышанное.

– Я сейчас Вам, Антон Дмитриевич, все объясню, и Вам станут понятными взаимоотношения этих двух старейших актеров, – сказала Анжела Гальская.

По словам Анжелы, Софья Константиновна еще в молодости влюбилась в Заславского, когда тот был еще рабочим сцены, и у них был короткий роман.

– Софья Константиновна была чудо как хороша собой. Но одновременно с ней в него влюбилась и ведущая на тот период актриса театра Августа Заславская, овдовевшая за полгода до этих событий. И это не Федор Мухин бегал за примой, а Заславская доходчиво объяснила симпатичному парню, от кого зависит его актерская карьера. У Заславской были связи в Управлении культуры и в других сферах. Жил Федор Иванович в общежитии, вот он взвесил все открывающиеся перед ним перспективы и порвал с Софьей Константиновной.

– Все так и было, – поддержал жену режиссер Гальский. – Нам это стало известно от бывшего режиссера, я пришел на его место, когда тот переехал в столицу. Заславская уговорила молодого мужа при регистрации брака взять ее фамилию. Отдать должное, хотя она и была на двадцать лет старше, но сохранила красоту и фигуру. С ее помощью Федор, теперь уже Заславский, поступил на заочное отделение в институт, и она взрастила мужа как актера. Но он и сам не без таланта.

– А Софья Константиновна так и не вышла замуж, но романы крутила с высокопоставленными чиновниками, получила хорошую квартиру в доме недалеко от театра, и ей доставались хорошие роли наравне с Заславской, – продолжила рассказывать Анжела Гальская. –

Кстати, Софья Константиновна играла все главные роли на гастролях. Заславская стала болеть и оставалась в городе, – пояснила Анжела.

– Мы готовим капустник в честь юбилярши, премьера спектакля состоится вечером, будут присутствовать все значимые люди города, – гордо произнес Гальский. – И статья московского журналиста будет очень кстати.

– Давид Леонидович, а что Вы можете сказать по поводу пропажи личных вещей актеров? – испытующе посмотрел Вербов на Гальского. – Слышал, что подозревают гримера театра.

Гальский вздохнул, взглянул на жену, словно ища у нее поддержки.

– Только в своей статье об этом не упоминайте, – взмолился режиссер. – Но это явно не Мсиславская, но и не Глафира. Я скорее заподозрю техничку и рабочих сцены, – ответил Гальский.

– А мне порой кажется, что актеры и актрисы воруют друг у друга из зависти, – возразила мужу Анжела.

– А почему под подозрение попала уборщица Зинаида Зотова? – удивился Вербов.

– Да это я виновата, рассказала Давиду Леонидовичу о том, что уборщица сцены стала подкрашивать губы помадой, по цвету схожей с пропавшей помадой нашей актрисы Пелагеи, – пояснила Анжела.

Гальский поспешил перевести разговор на другую тему. Ему очень хотелось, чтобы московский журналист написал хвалебную статью, упомянув о спектакле, поставленном режиссером, то есть им.

И Вербову пришлось слушать восторженные отзывы режиссера о его работе.

Глава 3

Антон Вербов после устроенного ему ужина супругами Гальскими зашел к Глафире, и они втроем прослушали записи бесед.

Глафира развеяла подозрения Анжелы Гальской, пояснив, что уборщица Зинаида Зотова влюбилась в пожарного театра Солдатова Семена Павловича и, как только он развелся с женой, стала принаряжаться и купила себе помаду как у актрисы Пелагеи Лагиной.

– Завтра побеседую с актрисой и еще с реквизитором, а потом с молодыми актерами – с Германом Гуровым, Ильей Илларионовым и Виталием Волошиным.

Серафима рассказала, что обследовала все возможные подсобные помещения.

– Я не уверена, что похищенные вещи хранятся в здании театра. Это полный абсурд, – произнесла Серафима.

– Если воришка страдает своеобразной kleptomанией, то вещи складываются в коробку, – возразил Вербов. – Нужно искать схрон.

– Я попросила сделать для меня дубликаты ключей, продолжу поиски, – согласилась Серафима.

Ни Антон, ни Серафима с Глафирой не предполагали, что приближаются к более трагическим событиям.

– До трех часов я свободна, – сказала Глафира и предложила московским гостям прогуляться по городу. – Проведу с вами экскурсию, покажу наиболее интересные места, сможете сфотографировать достопримечательности, а потом пообедаем в кафе. Я успею загримировать Серафиму под образ уборщицы, уеду на работу, а Фима придет позже, – предложила Глафира.

Договорились встретиться в десять утра.

На следующий день Антон Вербов оторопело глядел на преображенную Серафиму, которую не сразу узнал.

Девушка выглядела намного стройнее и такой красоткой, что Антон не мог поверить, что перед ним Серафима, тем более что он видел ее в образе уборщицы и не слишком привлекательной.

– Глафира, Вы кудесница, теперь мне понятно, почему Мсиславская выглядит намного моложе своего реального возраста, – воскликнул Вербов.

И Серафима, и Глафира довольно улыбнулись.

– Глафира даст мне уроки мастерства макияжа, – сообщила Серафима. – В нашей с Вами, Антон Дмитриевич, работе это очень пригодится.

– Так, Фима претендует на постоянное место моей помощницы, – усмехнулся про себя Вербов. – А, впрочем, она права. Почему бы и нет. Одного помощника я уже нашел, – сказал себе Антон, вспомнив про Гордея Кондратьева.

Глафира пригласила Антона и Серафиму в свою машину, пообещав отвезти их на улицу, с которой она запланировала начало экскурсии по городу.

Антон Вербова и Серафиму Иванкову этот областной город удивил пестрой и контрастной архитектурой, где здания XII – XVII веков стояли вперемешку с домами еще советских времен, избами и новостройками.

Оставив машину на стоянке, Глафира вела Антона и Серафиму по красивой, широкой и длинной центральной и исторической улице. Они шли прогулочным шагом и любовались бывшими купеческими домами, торговыми палатами и самой известной городской достопримечательностью – Кремлем.

Антон и Серафима согласились с Глафирой, что прогулке по территории Кремля как и посещению музеев необходимо выделить отдельное время.

– В нашем городе есть очень много интересных и красивых мест, не счесть сколько ресторанов, – гордо сообщила Глафира. – Так что приезжайте специально минимум на неделю. Позже я подскажу, где купить сувениры, например, изделия из бересты и дерева и расписанные предметы.

Глафира улыбнулась, что-то вспомнив.

– Мне рассказывали, что сотрудники одной фирмы подарили своему шефу покрытую росписью компьютерную мышку за четыре тысячи рублей. Так что вы сможете купить шка тулки, матрешки, если захотите удивить своих близких уникальными подарками. И не забудьте приобрести наши знаменитые пряники, – посоветовала Глафира.

Довольный проведенной гримером мини-экскурсией Антон Вербов предложил Глафире и Серафиме пообедать в кафе или ресторане на выбор, а затем поехать в театр.

Придя в театр, Антон Вербов сразу встретился с тридцатидвухлетней актрисой Пелагеей Лагиной. Гримерную она делила с двумя начинающими актрисами, исполнявшими маленькие второстепенные роли. До их прихода у Вербова было минут тридцать пять, и он начал беседу.

– У меня нет мужа-режиссера как у Анжелы и знакомых среди высокопоставленных чиновников и поэтому нет возможности раскрыть свой талант, – обиженно заявила актриса.

– Моя знакомая года три пребывала в подобной ситуации, а затем пошла на хитрость и через три месяца ей стали предлагать второстепенные, но колоритные роли, а теперь у нее ведущие роли, – доверительно сообщил Вербов.

Пелагея с любопытством посмотрела на Вербова, встала и плотно прикрыла дверь гримерной.

– Слушаю Вас внимательно, – сказала Пелагея.

– Я видел репетицию спектакля и видел Вашу игру. Роль небольшая, и Вам нужно придумать трюк. У моей знакомой за весь спектакль было всего лишь несколько реплик, и она словно бы случайно выронила красный шарфик из тончайшего шелка, и он спланировал, а она попыталась поймать его. И, конечно же, привлекла к себе внимание. В следующий раз у нее расстегнулась заколка, и ее шикарные волосы заструились по спине, которые она безуспешно пыталась заколоть обратно в прическу. По окончании сцены прямо во время спектакля молодой человек преподнес ей букет, который актриса сама же и организовала. Раздались аплодисменты. Но главное – не повторяться и не каждый спектакль удивлять, чтобы не переборщить. Однажды она надела на руку часы в виде паука. Одним словом, режиссер обратил на нее внимание.

– Благодарю Вас за дельный совет, но только Вы больше никому в театре не давайте его, – попросила Пелагея Лагина.

На вопрос о кражах Пелагея смущенно сказала, что подозревает Илью Илларионова.

– А зачем ему женская косметика? – удивился Вербов.

– Мне кажется, он заимствует зажигалки. Впрочем, я не уверена. Кражи какие-то странные.

Лагина явно жалела о своих словах и очень обрадовалась приходу актрис, занимающих вместе с ней одну гримерную.

Виктория и Валерия чем-то были похожи друг на друга, и Антон Вербов после ухода Лагиной решил побеседовать сразу с обеими.

Перебивая друг друга, они говорили в основном о мужчинах, задействованных в одном с ними спектакле.

И Вербов убедился, что в театре действительно не существует разделения: актеры одинаково завидовали и актерам, и актрисам.

– Я слышал: в театре пропадают вещи. Как вы думаете, эти кражи могут быть мстостью актеров? – спросил Вербов.

– Мы на совместном чаепитии заявили, что узнаем, кто воришка, пообломаем руки, и в последнее время у нас ничего не пропадало, – победно заявила Виктория.

– Кого-то подозреваете? – уточнил Антон.

– Нам бы не хотелось, чтобы зрители прочли в газете о нас такие вещи, – произнесла за обеих Валерия.

Вербов был приятно удивлен, что из актеров они единственные никого не оговорили.

Пожелав актрисам успешной карьеры, Антон направился в костюмерную. Он не заметил, как кто-то в коридоре проводил его озабоченным взглядом.

Люсьена Заславская с раздражением, которое пыталась скрыть, приоткрыла окошко в машине.

– Федор, кардиолог строго-настрого запретил тебе курить, а ты дымишь как паровоз. Свое здоровье не бережешь и заодно мое: пассивное курение еще вреднее, – попеняла она мужу.

Заславский, признавая ее правоту, поспешно затушил сигарету.

– Ты обещал пригласить журналиста к нам на обед и поговорить с ним, – продолжила Люсьена. – Он приехал с заданием от Министерства культуры, а значит, у него там могут быть связи, – не поворачиваясь к мужу и продолжая рулить, сказала она.

Люсьена Заславская всегда осторожно водила машину и сейчас, направляясь в театр, она была очень внимательна за рулем.

– Я тебе говорил, что в мои планы не входит переезд в столицу. Здесь у меня ведущие роли, а в Москве «кушать подано» придется играть. Лучше быть первым в провинции, чем на задворках в столице, – глубокомысленно изрек Заславский.

– Подключи все свои связи, ведь ты заслуженный артист. Я не отказалась бы сняться в сериале, не обязательно устраиваться в театр.

– У нас здесь квартира, дача, машина, друзья, знакомые, а в Москве мы сразу попадем в категорию «Понаехали тут», – пытался вразумить жену Заславский.

– Это у тебя друзья и знакомые. Вышла замуж за одного... взрослого мужчину, а получается семь стариков и одна девушка. Навязываешь мне общение с ними, а толку от них никакого.

– Ты преувеличиваешь...

Люсьена возмущенно ахнула и невольно повысила скорость.

– Это я преувеличиваю?! Ты ничего не перепутал? Это у меня главные роли, а Анжела на второстепенных ролях? – воскликнула Люсьена. – Ты даже эту старуху не можешь осадить, а Мсиславская третирует меня, распускает сплетни обо мне, – всхлипнула Люсьена.

Все-таки она была хорошей актрисой, и даже такой опытный артист повелся на ее жалобы.

– Хорошо, сегодня же приглашу журналиста к нам и поговорю с ним, – пообещал Федор Иванович.

– Я тебя обожаю, Федюша, – весело воскликнула Люсьена.

– Стар я для нее, – впервые подумал Заславский. – тесно ей в провинции. Может отпустить ее в Москву, поговорить с Заломовым, он на телевидении работает? – спросил он себя. – Но Заломов затребует кругленькую сумму за услугу. А что на старость останется? – продолжал рассуждать Заславский остаток пути до театра.

Если бы он мог заглянуть в ближайшее будущее, он бы прямо сегодня вместе с женой уехал в Москву. Но он всего лишь артист, а не ясновидящий.

Костюмерная казалась маленькой из-за количества костюмов разных эпох и аксессуаров к ним.

Вербов внимательно оглядел помещение.

Перед ним стояла молодая женщина лет тридцати. Черноволосая Диля Даутова, худенькая, небольшого роста, с черными раскосыми глазами напоминала девочку-подростка.

– Это Вы журналист из Москвы? – спросила она Антона.

– Все верно, хотел побеседовать с Вами, ведь от Вашей работы зависит настроение актеров и успех спектакля, – польстил Антон Вербов.

– Да, приходится изощряться, чтобы актеры не нервничали. Кто-то набрал вес, а виновата я. Некоторые такие истерики закатывают, – обиженно произнесла Диля Даутова.

Антон сочувственно улыбнулся в ответ.

Но его готовность слушать оборачивалась отрицательной стороной. За два дня пришлось выслушать столько жалоб, сплетен и сетований на жизнь. Но он так и не продвинулся вперед в своем расследовании.

– А что Вы, Диля, можете сказать о кражах в театре? – спросил Вербов, следя за реакцией костюмерши.

Диля была эмоциональной (явно сказывалась азиатская кровь) и резко среагировала на его вопрос.

– Представьте себе, Антон Дмитриевич, завелась крыса в театре или крыс. Я когда училась в училище, у нас в группе случилось подобное. И каково было наше изумление, когда мы узнали, что «крысой» была староста группы. Мы ей едва темную не устроили.

Вербов понял – Диля Даутова – не воровка.

– А Вы подозреваете кого-нибудь?..

– Ломаю голову, но уверена: это человек, кого нельзя ни в чем заподозрить, и он постоянно находится на сцене среди актеров. Это может быть рабочий сцены или помощник режиссера, или кто-нибудь из актеров, а может уборщица. Сплетничали насчет Глафиры, но я не верю в это.

Диля Даутова зарделась.

– Я себя не назвала, но я и не имею отношения к личным вещам актеров, все они приходят одеваться в костюмерную. И потом я такая брезгливая и никогда бы не стала пользоваться чужой косметикой. Так боюсь заразы.

Диля передернула плечами.

И Вербов поверил ей.

– А Вы спровоцируйте воришку, – посоветовала Диля Даутова.

– Каким образом? – удивился Антон Вербов.

– Оставьте где-нибудь свою зажигалку, если курите, или авторучку. Она у Вас оригинальная. И наблюдайте. Вы посторонний человек в театре, своим подобное я не могла предложить, так как можно было нарваться на вора.

– Диля, Вы не ту профессию выбрали, – усмехнулся Вербов.

– Люблю читать детективы, вот только их не накупишься, ведь читаю я быстро, а зарплата костюмера не очень большая, – посоветовала Диля.

– Моя знакомая, как и Вы, любительница детективов записалась в городскую библиотеку и почти всю Донцову прочла, – подсказал выход Вербов.

– Ой, мне в голову не пришло. Завтра же запишусь в районную и городскую библиотеки. Спасибо за совет, – обрадовалась Даутова.

Антон в свою очередь поблагодарил костюмершу и вышел в холл. Постояв немного, он пошел в помещение реквизитора.

Клавдия Кирилловна Коноплева, работающая реквизитором в театре, оказалась, в отличие от костюмера, малоразговорчивой особой.

Из личного дела Антон Вербов выяснил, что Коноплевой тридцать семь лет, но выглядела она старше.

– Русые волосы завязаны резинкой, без макияжа, в рабочем халате, – отметил Вербов.

Реквизитор настороженно смотрела на него.

– Клавдия Кирилловна, я хотел побеседовать с Вами, ведь Вы часто видите актеров?

Коноплева пожала плечами.

– Я имею в виду со стороны, – произнес Вербов.

– У меня нет привычки собирать сплетни, а к актерам я отношусь с уважением. У нас в театре весь коллектив состоит из талантливых людей, а их игра вне критики, – резко произнесла Коноплева, чем даже удивила Вербова.

– Вот и расскажите о них, мне будет интересно послушать Ваше мнение, – попросил Вербов.

– И Вы напечатаете в своей статье? – недоверчиво уточнила Коноплева.

– Я отражу в статье Ваше мнение и укажу, что это Ваши воспоминания, – пообещал Антон.

Клавдия Кирилловна согласно кивнула, посмотрела, как он нажимает на кнопку диктофона и начала рассказывать о Софье Константиновне Мсиславской.

– Моя мама пришла в театр, работала реквизитором, а потом администратором и только из-за больных ног ушла на пенсию, – стала говорить Коноплева. – Она видела Мсиславскую, когда та была молодой, и всегда восхищалась этой талантливой актрисой, – восторженно отзывалась Коноплева о юбилярше.

И она перечислила все ведущие роли актрисы и сколько раз та их играла.

– Ни одного провала за всю ее театральную деятельность, – гордо сообщила Клавдия Кирилловна.

От Мсиславской она перешла к Федору Ивановичу Заславскому.

Вербов был искренне поражен памятью реквизитора и выразил ей свое восхищение. Он заметил, как загорелись восторгом глаза женщины. И Клавдия Кирилловна поведала ему о своей мечте устроить в холле для зрителей стеклянные стенды с личными вещами актеров, с фотографиями со спектаклей.

– А Вы предлагали директору театра воплотить Вашу идею в жизнь? – спросил Вербов.

Лицо реквизитора помрачнело, она горестно вздохнула.

– Альфред Янович явно не воодушевился моей идеей, но и не отказал, – ответила Клавдия. – А ведь у моей мамы целый архив старых фотографий той же Софьи Константиновны и к ее юбилею можно было бы организовать такой стенд, – вздохнула Клавдия Кирилловна.

– Вы так много знаете о творчестве бывших и нынешних актеров, что собрался материал для книги о них. А если проиллюстрировать ее фотографиями, то можно издать все в виде альбома, – произнес Вербов.

– Я не подумала об этом, – неожиданно встрепелась Коноплева. – У мамы столько афиш с автографами актеров, некогда служивших в театре.

– Как интересно. Хотел бы взглянуть на этот бесценный архив и хорошо бы для статьи использовать фотографии Мсиславской, Заславского, – произнес Вербов, преследуя совсем иную цель.

– Вы можете прийти к нам после репетиции, – предложила Коноплева.

– Мне неудобно беспокоить Вашу маму в поздний вечер...

– Как все пожилые люди, мама поздно ложится и ей приятно будет пообщаться с гостем из Москвы, – возразила Клавдия Кирилловна.

– Хорошо, только скажите, какие конфеты Вы и Ваша мама предпочитаете и назовите название любимого торта, – стал настаивать Вербов.

Он заметил, как глаза реквизитора радостно заблестели.

– А ведь она хорошенькая, ей бы поработать над своей внешностью, – подумал Антон Вербов.

И только покинув реквизиторскую, Антон вспомнил, что в отличие от других, с кем он беседовал, он не задал Коноплевой вопрос о кражах в театре.

Через мгновение он усмехнулся и пошел искать Серафиму.

Глава 4

Антон Вербов позвонил на рабочий телефон директора театра.

– Альфред Янович, как хорошо, что Вы не ушли. Я сейчас зайду к Вам, – предупредил Вербов.

Входя в приемную, Антон услышал, как директор предупреждал водителя подождать его.

– Прошу в мой кабинет, – пригласил Альфред Янович Антона.

– Мне кажется, я знаю, кто воришка, – произнес Вербов, как только за ним закрылась дверь.

Высокий, полноватый, напоминавший актера советских времен Меркурьева, директор театра вскочил со своего кресла.

– Да Вы что! Говорите, не томите, – воскликнул он.

– Но надо проверить, – возразил Антон.

– Нет, я не отпущу Вас, Антон Дмитриевич, пока Вы все подробно не расскажете, – настаивал директор.

– Хорошо, тогда слушайте...

И Антон стал рассказывать, как он и Серафима быстро выяснили, что вещи пропадали только у актеров, а вот техперсонал минули эти неприятности. А значит, воришка постоянно находился рядом с актерами, почему и заподозрили Глафиру, гримера театра.

Пообщавшись со всеми, побывав на репетициях, Антон подумал, что актеры заимствуют вещи друг у друга. Они и подозревали друг друга.

Серафима познакомилась с костюмером Дилей Даутовой и под видом помощи ей обследовала костюмерную, но не обнаружила схрон.

Антон Вербов побеседовал с Дилей, а затем с реквизитором Клавдией Коноплевой, которая удивила его энциклопедической памятью.

– Клавдия восторженно отзывалась обо всех актерам, у нее есть идея, которая навела меня на определенные мысли, – сказал Вербов.

– Это насчет музея? – усмехнулся Альфред Янович.

– Серафима – начинающая журналистка и она под псевдонимом может написать статью для местной газеты, – продолжил Вербов. – У Вас, Альфред Янович, наверняка есть связи в редакции и ко дню юбилея Мсиславской статья должна быть напечатана.

– Хорошо, сегодня же позвоню редактору, но Вы, Антон Дмитриевич, отвлеклись.

– Да, продолжаю. Клавдия сообщила, что у ее мамы собран целый архив о деятельности театра: афиши с автографами, фотографии, личные вещи актеров, а тут еще идея реквизитора создать музей. И у меня щелкнуло в голове. Я понял, кто похищает вещи актеров.

– Вы хотите сказать, что это Клавдия Кирилловна? – изумился Альфред Янович.

– Да, она эти вещи «собирала» для будущего музея, Вы ведь обещали ей когда-нибудь его создать, – подтвердил Антон Вербов.

– Что же теперь делать? Воровство есть воровство. Полицию не хочу привлекать, но оставить без реагирования нельзя, – стал сокрушаться Альфред Янович.

– Клавдию нужно заставить самой признаться в содеянном. Я поеду сегодня к ней, она пригласила меня в гости, – произнес Вербов.

– Тогда надо обыскать реквизиторскую. Я Серафиме дам дубликат ключей и после Вашего ухода с Коноплевой она обыщет помещение.

Альфред Янович хлопнул ладонью по столу.

– Хорошо, я поговорю с Серафимой и пришлю ее к Вам, – произнес Вербов.

Серафиму Антон нашел в холле, и они вернулись в кабинет директора.

– А я заметила, что Клавдия ни на минуту не оставляет реквизиторскую открытой, – не удивилась она обвинениям мужчин. – Попрошу Глафиру вместе со мной обыскать комнату, а Вы, Антон Дмитриевич, попросите у мамы Коноплевой фотографии юбилярши, статью я за ночь напишу и могу на электронку редакции отправить, – деловито сказала Серафима.

– Я хочу побеседовать с молодыми актерами, а ты, Фима, пока держись подальше от реквизиторской, чтобы не вспугнуть Клавдию раньше времени, – велел Антон Вербов.

Альфред Янович поехал обедать, а Антон прошел на сцену. Из трех актеров свободен был двадцатипятилетний Виталий Волошин.

У Виталия была колоритная внешность, он мог играть как героев-любовников, так и героев чеховских пьес. Позитивно настроенный Волошин обо всех коллегах отзывался доброжелательно. Правда, немного сдержаннее говорил об актере Илье Илларионове. Волошин сожалел, что Илья до сих пор на вторых ролях, а тот ведь не местный.

– Я даже на гастролях стараюсь, чтобы все мои роли вторым составом играл Илья, а сам под любым предлогом уезжаю домой, – признался актер.

И по секрету сообщил Вербову, что скоро уедет в Москву и поэтому он подготовил себе замену в лице Илларионова.

Как бы не провоцировал его Антон, Волошин ни одного плохого слова не произнес о своих коллегах по сцене.

– Не стоит растрачивать свою жизнь на интриги, сбор сплетен, – произнес молодой человек.

Пообещав Волошину никому не говорить о его скором переезде в Москву, Антон Вербов позже пожалел об этом.

Волошин вернулся на сцену, а в зал к Антону спустился Герман Гуров. Низкий голос этого чуть выше среднего роста худощавого двадцатипятилетнего молодого человека поразил Вербова. И Антон вспомнил о Владимире Высоцком, поражавшим зрителей не мощью своей фигуры, а силой голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.